

Одесские новости. Одесса, 1904. 4 июля. № 6354. С. 4–5.

Около жизни.

ЧЕХОВЪ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

II *).

Быть въ Ягѣ и не видѣть Чехова!

Можно быть въ Римѣ и не видѣть
папы.

Это въ концѣ-концовъ только façon de
parler—будто непременно нужно видѣть
папу.

*). См. вчерашній № „Од. Нов.“.

И въ концѣ-концовъ въ Италію задѣлѣтъ очень многіе, а съ пашой знакомятся очень немногіе.

Но быть въ Ялтѣ и не видѣть Чехова, не навѣстить этого апостола тоски и скорби, прикованнаго къ влажному климату, — двѣ стваительно преступленія!..

И я, конечно, когда объѣзжала Крымъ, осенью прошлаго года, все время думала и мечтала о Чеховѣ.

— Задѣлѣть непременно въ Ялту, побывавъ у Чехова.

На пароходѣ я встрѣтился и тутъ же познакомился съ однимъ московскимъ журналистомъ.

Добродушнымъ весельчакомъ, тучнымъ и дороднымъ. Съ вишней стороны похонимъ на кого угодно, но только не на журналиста.

Но онъ назвалъ себя — и я перестала сомнѣваться, что имѣю дѣло съ коллегой.

— Вы къ Антону Павловичу Чехову?

— Не специально. Но въ Ялтѣ пробуду около недѣли. Рассчитываю непременно побывать у Чехова, непременно почитать, непременно побесѣдовать...

— И обо всемъ доложить читателямъ?

— Не обо всемъ, конечно, — поправилъ я...

— Ни единого слова о Чеховѣ вамъ въ печати сообщать не придется, пока Чеховъ живъ.

— ?!

— Антонъ Павловичъ очень любитъ журналистовъ, охотно съ ними бесѣдуетъ, гостеприименъ, ничего отъ нихъ не скрываетъ, но всегда ставитъ непремѣннымъ условіемъ, *conditio sine qua non*...

— Молчаніе?

— Абсолютизмъ... Знаете, это даже поразительно!

— Что именно?

— Отношеніе Чехова къ собственной популярности... Больше всего его тасотитъ шумъ и бумъ, который по каждому удобному и не удобному поводу создается вѣрнуть его имени...

Въ сущности это такъ понятно!

Есть люди, которые гонятся за славой.

И есть люди, за которыми гонится слава.

Чехова слава преслѣдовала по пятамъ.

И онъ старательно прятался отъ нея какъ только могъ и гдѣ только могъ.

Маленькая усадьба въ окрестностяхъ Ялты, гдѣ онъ жилъ почти безвыѣздно въ послѣдніе годы, однако не изолировала его отъ нервнаго и живого вниманія всего русскаго общества.

Къ Чехову ѣздяли буквально на поклоненіе.

Въ теченіе тѣхъ семи-восьми дней, которые я провелъ въ Ялтѣ, у Чехова перебывали десятки артистовъ, мелкиѣ и крупныѣ литераторовъ, художниковъ...

Были военныѣ. Были и штатскіѣ всевозможныѣ профессіи, различнаго общественнаго положенія...

Люди все хорошо знакомыѣ съ Чеховымъ, но совершенно незнакомыѣ Чехову.

Каждый мало-мальски интеллигентный пріѣзжій и профжжій мечтала:

→ Повидать бы Чехова!..

Чехова, разслабленнаго, изможденнаго тяжелой болѣззью, эти массовыѣ визиты, конечно, утомляли.

Но удивительная мягкость характера, корректность и простота въ отношеніи окружающихъ не позволяли ему отказывать въ пріемѣ:

— Ну, какъ же, скажите, не принимать людей, которые желаютъ меня видѣть!

Чехову нуженъ былъ абсолютный покой. Но у него этого покоя не было ни одного дня!

Всѣмъ это было прекрасно извѣстно: что Чеховъ боленъ, тяжело боленъ, смертельно боленъ.

Но никто тѣмъ не менѣе не отказывалъ себѣ въ удовольствіи „на часокъ“ съѣздить къ Чехову, повидать его, поговорить...

— Ну какъ же не поговорить съ Чеховымъ!

Были такіѣ, которые приводили чисто обывательскіѣ резоны:

— Прямо стыдно возвращаться домой, не повидавши Чехова.

Сдѣлайте маленькій арифметическій подсчетъ.

Въ Ялтѣ ежегодно бываетъ разновремено около ста тысячъ пріѣзжій.

Изъ каждыѣхъ десяти пріѣзжійхъ одинъ непременно добивается свиданія съ Чеховымъ.

И изъ каждыѣхъ пяти добивающихся одинъ непременно достигаетъ цѣли...

Итого — двѣ тысячи гостей!..

Съ каждыѣмъ нужно побесѣдовать хотя бы полъ-часа...

Нужно удовлетворить любопытство каждаго...

Каждый обязательно интересуется отношеніемъ Чехова къ текущимъ событіямъ...

И каждый собесѣдникъ — такъ или иначе — но обязательно скажетъ какую-нибудь льстивую или просто безтактную фразу, однимъ словомъ, причинитъ „словесную неприятность“...

Все это вліяетъ на чуткаго человека вообще.

А тѣмъ болѣе на болѣзненно-чуткаго Чехова, съ его тонкими ощущеніями, съ его отзывчивостью на каждое нервное движеніе, на каждое слово, на каждый взглядъ...

Трудно сказать, въ какой степени слава, преслѣдовавшая Чехова, повлияла въ его преждевременной смерти...

Но что на ся совѣсти, на совѣсти славы лежитъ значительная доля этой вины — нѣтъ сомнѣній!

И мы, всѣ тѣ, которые хоть разъ въ жизни заставляли его волноваться: спорить, говорить, нервно чѣмъ-либо интересоваться, горячо возражать — должны это помнить...

Увы! Грѣшныѣй человекъ, я также принадлежу къ числу этихъ многочисленныхъ преступниковъ.

Какъ только я пріѣхалъ въ Ялту, я поспѣшила къ одному старому знакомому крымскому литератору, который давно уже съ Чеховымъ сблизился и дружилъ.

Конечно, третьей или четвертой моей фразой было:

— Можете мнѣ устроить свиданіе съ Чеховымъ?

— Помилуйте! Изъ массы несѣтателей и пріѣзжійхъ Антонъ Павловичъ журналистовъ выдѣляетъ въ особую графу... Онъ такъ интересуется журналистикой и такъ радъ пріѣзду каждаго журналиста... Вы же не интервьюеръ, насколько мнѣ извѣстно?..

— О, нѣтъ!

— И передать тысячелію бесѣду съ Чеховымъ не намѣреваетесь?.. По крайней мѣрѣ пра его жизни?..

— Если Антонъ Павловичъ протавъ этого...

— Противъ!

— Тогда, конечно, ни одного звѣра... Я столько бесѣдую и такъ много пишу для читателей, что имѣю-же и право хоть разъ въ жизни повидать и побесѣдовать съ выдающимся человекомъ для собственного удовольствія...

— Конечно!

— Какъ здоровье Чехова?

— Великолепно! Онъ совсѣмъ почти оправился, довольно бодро выглядит, хорошо настроенъ. Я сегодня у него обѣдаю, а потомъ вмѣстѣ съ нимъ ѣдемъ въ Массандру... Хотите, пойдёмъ вмѣстѣ...

Войтатъ къ общу, но званый и не зренимый, — а, конечно, отказался.

А въ Массандру вызвался прѣхать.

— Вы меня тамъ представите Чехову, а потомъ, если пригласить къ себѣ домой, тогда, конечно...

Въ условленный часъ я былъ уже въ Массандрѣ...

И въ условенной аллеѣ я встрѣтилъ моего пріятеля-журналиста, гулявшаго съ Чеховымъ.

Вѣшній обликъ даровитаго писателя меня поразилъ.

Я ожидалъ встрѣтить мрачнаго, угрюмаго человѣка, одицетвореніе тоски и горя....

А встрѣтилъ человѣка съ свѣтлымъ лицомъ, яснымъ, открытымъ взглядомъ.

Ничего мрачнаго, пессимистическаго въ этомъ взглядѣ не было.

Глаза искрились огнемъ души, дозрѣли, теплыми огонькомъ.

Вѣсто холода отъ Чехова повѣяло теплотой.

Онъ просто и привѣтливо поздоровался со мною и началъ тутъ-же разспрашивать о моей повѣдкѣ, объ Одессѣ, о газетѣ, въ которой я работаю, объ одесской печати...

Неисправимый газетчикъ, я еще двумя, гудая по Набережной, выработалъ детальную программу „бесѣды съ Чеховымъ“.

Но вся эта программа теперь полетѣла вверхъ тармашками.

Я собрался много и долго бесѣдовать съ Чеховымъ по вопросамъ, меня интересовавшимъ...

А заговорилъ... съ другого конца...

Отвѣчалъ на вопросы, интересовавшіе Чехова...

Началось, какъ водится, съ комплимента Одессѣ. Всѣ великіе люди, повидимому, выношены въ Одессу.

— Знаете, я былъ въ Одессѣ всего одинъ только разъ въ своей жизни... Но впечатлѣніе горюдь оставилъ неизгладимое... Единственный европейскій городъ во всей Россіи... Какъ жаль, что я лишень возможности жить въ Одессѣ и приковать къ ней...

Волѣвъ за любезностью Одессѣ послѣдовалъ комплиментъ одесской прессѣ:

— Не потому, что вы—одесскій журналистъ, а вполнѣ искренно могу вамъ сказать, что такихъ газетъ—такъ образцово, на европейскій ладъ поставленныхъ—въ Россіи очень мало, почти нѣтъ...

Какая нервная отзывчивость на всѣ явленія жизни, на всѣ текушія событія!... Развѣ только въ некоторыхъ очень большія столичные газеты могутъ соперничать въ этомъ смыслѣ съ одесскими...

— Затѣмъ—продолжалъ А. П.—этотъ боевой тонъ, эта безпрестанная борьба то съ однимъ, то съ другимъ явленіемъ, это непосредственное общеніе съ читателемъ, которое проглядываетъ сквозь каждую строчку!... Скажите, одесская пресса, вѣроятно, пользуется у васъ огромнымъ влияніемъ?

Меня весь этотъ каскадъ комплиментовъ по адресу одесской прессы сильно такъ смутилъ.

Я робко замѣтилъ, что и относительно „Боевого тона“ мой маститый собесѣдникъ немного увлекается...

Аттані, правда, иногда, ведутся, но былъ воинствъ умѣряется часто съ неожиданной стороны...

— Знаете, Антошъ Павловичъ, рваться въ бой—не есть еще плюсъ.

Затѣмъ, замѣтилъ я, и относительно „огромнаго вліянія одесской прессы“ говорить можно только относительно...

— Правда... Правда... все это вѣрно. Но все же, если смотрѣть со стороны, впечатлѣніе получается именно такое, какъ мое... Вѣдь вотъ же... Я получаю здѣсь три московскія и двѣ петербургскія газеты, но больше всего люблю читать именно одесскія... Скажу больше: я иногда начинаю тосковать по своей прошлой газетной работѣ...

— Помилуйте, А. П., неужели васъ не удовлетворяетъ ваша теперешняя литературная дѣятельность?...

— Не то... Вообще говоря, ничто никогда никого удовлетворить не можетъ. Это законъ вѣчный, какъ мѣръ. Никогда не скажешь того, что хочешь, а никогда не скажешь всего, что хочешь... Лавры и успѣхъ не даютъ вамъ того удовлетворенія, котораго жаждешь... Но я не о томъ вовсе говорю... Я началъ говорить о газетной работѣ... Знаете, она увлекаетъ больше, гораздо больше широкой литературной дѣятельности—беллетристической, напримеръ. Романистъ, драматургъ, художникъ не можетъ испытывать того сладостнаго нервнаго чувства, которое является всегда неизбѣжно во время борьбы... Всякое волненіе—есть своего рода счастье. Какъ всякая борьба. Даже „борьба ради борьбы“... Вамъ, газетнымъ работникамъ, часто приходится видѣть непосредственные результаты своей борьбы... А этого счастья никогда не приходится испытывать даже самымъ выдающимся писателямъ—художникамъ...

— Тѣмъ не менѣе о васъ, А. П., напримеръ, говорятъ, что вы бросили жанръ газетной работы подъ вліяніемъ крупнаго успѣха въ публикѣ и у критика...

— Это, конечно, вздоръ... Я сказалъ бы даже, что это—клевета, если-бы у распространителей этого вздора была какая-нибудь преднамѣренная цѣль...

А. П. заволновался.

— Я вообще не принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые способны что-либо изменить въ своей жизни или въ своей дѣятельности подъ вліяніемъ успѣха... Даже такого—простите за нескромность—исключительнаго успѣха, который выпалъ на мою долю... Тѣмъ болѣе, когда рѣчь идетъ о журналистикѣ... И я журналистику не бросилъ... просто потому, что я никогда журналистомъ, къ социалізму, не былъ... Я не занимался публицистикой и не знаю, есть-ли у меня какой-нибудь публицистическій даръ... Я писалъ юморески и притомъ чисто беллетристическія... Это не есть газетная работа... Это и въ газетѣ такое амплуа, которое не занимаетъ никогда центральнаго мѣста... Публицистическая же дѣятельность—и именно въ газетѣ при большомъ кругѣ читателей—очень благодарная и очень увлекательная сфера литературы... И я, можетъ быть, когда-нибудь посвятить бы если не всего себя, то часть себя этой работѣ, если-бы...

А. П. закашлялъ...

— Вы видите?... Вѣдь я человѣкъ, осужденный на смерть... Даже сравнительно спокойная работа драматурга и белле-

триста, которой я къ тому же посвящаю такъ мало времени, отражается на моемъ вдоровѣ... Если бы я еще занимался публицистикой,—при моей нервной отзывчивости—я бы, вѣроятно, давно уже былъ въ могилѣ...

А. П. умолкъ.

Лицо его внезапно омрачилось... Нѣсколько минутъ мы втроемъ ходили молча по аллеѣ...

Потомъ онъ вдругъ встрепенулся и обратился къ намъ:

— Поѣдемъ, господа, въ городъ... На Набережную...

Мы поѣхали.

С И Г Ъ

(Продолженіе слѣдуетъ).